

АЛЕКСАНДР
АРХИПОВ

МОЙ ДЕД — ВРУН!

БОЛЬШЕ ДЮЗИНЫ НЕСКУЧНЫХ РАССКАЗОВ
И ОДНА ПРИКОЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Александр Архипов

Мой дед – врун!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49760429

Мой дед – врун!: Логос; Ставрополь; 2019

ISBN 978-5-907258-15-0

Аннотация

Область применения: рекомендуется в качестве активной добавки хорошего настроения – до, во время и после приёма пищи. Вся наша жизнь именно на эти периоды и делится. А также перед сном и во время путешествий. Оказывает мягкое расслабляющее действие на мышцы лица, способствует поднятию общего тонуса организма и сокращает расстояния.

Состав: пятнадцать глубоко позитивных рассказов и одна ироническая комедия о «круговороте мужчин», мечтающая стать сценарием доброй и весёлой комедии.

Форма выпуска: симпатичная такая, нетолстая книжечка.

Рекомендации по применению и дозировка: взрослым и тем, кто таковыми себя считают, – 2–3 рассказа перед сном, но снотворным не является. При необходимости разовый приём можно увеличить.

Продолжительность курса: читайте, пока не дочитаете!

Рекомендации для беременных и кормящих: читайте с осторожностью во время приступов токсикоза. Страницы книги

гигиеническими салфетками не являются. Не ставьте горячие молочные смеси на обложку. Грудничкам давать в руки нежелательно. Быстро взрослеют и начинают задавать вопросы «за жизнь».

Лекарственным средством не является! Но убивает наповал: скуку, хандру, плохое настроение и дурные мысли.

Содержание

Аннотация	6
Короче, девушка моя...	8
Папа, не сходи с ума!	13
Вампиры среди нас	18
Пожалейте девочку-подростка!	25
Мой дед – врун!	29
Любовь зла, полюбишь и... таксу	37
Вот где собака зарыта	52
Как собаке пятая нога	63
Боря, на!	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Архипов

Мой дед – врун!

© Архипов А., текст, 2019.

© Издательский центр «Логос», 2019. (оформление, верстка).

Аннотация

Область применения: рекомендуется в качестве активной добавки хорошего настроения – до, во время и после приёма пищи. Вся наша жизнь именно на эти периоды и делится. А также перед сном и во время путешествий. Оказывает мягкое расслабляющее действие на мышцы лица, способствует поднятию общего тонуса организма и сокращает расстояния.

Состав: пятнадцать глубоко позитивных рассказов и одна ироническая комедия о «круговороте мужчин», мечтающая стать сценарием доброй и весёлой комедии.

Форма выпуска: симпатичная такая, нетолстая книжечка.

Рекомендации по применению и дозировка: взрослым и тем, кто таковыми себя считают, – 2–3 рассказа перед сном, но снотворным не является. При необходимости разовый приём можно увеличить.

Продолжительность курса: читайте, пока не дочитаете!

Рекомендации для беременных и кормящих: читайте с осторожностью во время приступов токсикоза. Страницы книги гигиеническими салфетками не являются. Не ставьте горячие молочные смеси на обложку. Грудничкам давать в руки нежелательно. Быстро взрослеют и начинают за-

давать вопросы «за жизнь».

Лекарственным средством не является! Но убивает наповал: скуку, хандру, плохое настроение и дурные мысли.

Короче, девушка моя...

Шла посадка. Пассажиры медленно продвигались по «толстому» салону «Боинга», отбивая коленки ручным багажом и подталкивая под задницы цепляющихся за кресла малолетних путешественников. Наконец-то добрался до своего 23-А и я. Снял с плеча сумку с ноутбуком и уже хотел было забросить его в багажное отделение над головой, но неожиданно получил под дых маленьким, но жёстким кулачком.

– Мушинка, а помогите даме... – слышалось снизу, где-то на уровне бляхи моего ремня.

Где-то там, внизу, стояла... нет, не скажу, что дама... они такими не бывают. Уж я-то точно знаю! Но, судя по перекошенному декольте с торчащими под майкой сосками, женщина точно. Не буду утверждать, что это самое декольте открывало что-то новое для меня. Но интрига была. Короткая стрижка, короткая юбчонка, короткая, с пупком наружу и огромным вырезом, ярко-жёлтая майка... И вся она была какая-то короткая и мелкая по жизни!

Под коленку мне больно упирался повод для помощи – небольшой розовый чемоданчик с грязными колёсиками и ручкой, перевязанной липким скотчем. Вес чемоданчика явно не соответствовал его размерам. Видно, в последний день отпуска красивые камешки и ракушки с пляжей Средиземного моря в него загружали совковыми лопатами. За моей

спиной, в межкресельном проходе авиалайнера, начала собираться «пробка», поэтому времени придумывать причину отказа не было. Молодцевато подхватив тяжеленную ручную кладь, я рывком закинул её на полку, мощно хрустнув позвоночником и скрипнув зубными имплантами от боли в пояснице. Услышав поощрительное:

– Силён, бродяга! – я тут же начал придумывать план, как эту заразу не снимать по прилёту.

Мой работодатель одобрительно шлёпнул меня по плечу, мотнул стриженной головкой и, попой вперёд, начал пробираться на своё место. Неожиданно оказалось, что сижу я прямо за ней, но это даже успокоило. Главное, не рядом. Что ошибался на этот счёт, понял позже.

Благополучно взлетели. Лайнер, быстро набирая скорость и высоту, нанизывал белые облака на триколоровый фюзеляж. Пассажиры сонно посмотрели обязательное выступление пожилых стюардесс, вяло зашуршали газетами, незлобно подёргали друг у друга пледы и, позёвывая, начали готовиться к долгому перелёту. Руки ещё крепко держали аэрофлотовские буклеты, призывающие летать, а не ездить, а глазки уже не читали. Закрывались.

Неожиданно почувствовал сначала толчок, а потом лёгкую нагрузку на живот... Открыл глаза, выпала из рук газета, и немного спёрло дыхание. На моём животе лежала спинка кресла, в котором полулежала впереди сидящая, короткостриженная попутчица. Рот барышни был призывно открыт,

дыхание ровное и шумное, прицельно направлено мне в лицо. Пару секунд подышав одним с ней воздухом, я понял, что напрасно не принял соточку вискарика в баре дьюти-фри. А ведь хотел! Я сидел и смотрел. Смотрел, конечно, в перекошенную амбразуру декольте. А куда ещё прикажете? Через декольте видно было всё... вплоть до булавки в пупке, блестящей пуговицы на юбке и разноцветных шнурков на вылинявших кедах. Поняв, что новенького больше не покажут, я тихо сказал посапывающему человеку на ухо:

– Извините, вы на мне лежите, а я вам повода не давал!

– Угу... – шлёпнуло пухлыми губками создание, не открывая глазок.

– Девушка, – прямо с первого слова решил пошутить я, – через три минуты у меня начнётся незапланированная моим возрастом эрекция...

– Ну? – заинтересованно произнесла распоясавшаяся у меня на животе особа.

– А ещё через три минуты я буду вынужден на вас жениться и дать свою фамилию, известную в определённых кругах! – не снижал я градус, удивляясь своей, не по возрасту, бесшабашной смелости.

– Слышь... Тебя как зовут? – не открывая глаз, негромко спросила моя почти сожительница на глубоком выдохе, погрузив моё пожилое сознание в атмосферу ночных клубов, казино и случайных связей...

– Саша, – просто ответил я.

– Старик, делай, что задумал. Родится пацан – Сашкой назову! – улыбнулась, как бы во сне, моя гёрлфренд.

* * *

Проснулись мы почти одновременно уже после посадки в Шереметьево. Это когда лётчикам хлопать начали. Я тоже спросонья пару раз успел хлопнуть. Чемодан ей снял сосед справа, пока я очень тщательно складывал аэрофлотовский плед. В зале прилётов меня встречал сын Серёга. Я его сразу увидел. На его шее висела, как жёлтое знамя измены, моя, стриженная под ёжик, соседка в ярко-жёлтой футболке. Она радостно дрыгала загорелыми ногами, и её длинные разноцветные шнурки на кедах развевались, как тропические змеи, пугая встречающих.

– Па, привет! Знакомься. Это моя... короче, девушка моя. Вот. Даша.

Наконец, «корочедевушкамоя» отцепилась от Серёжиной шеи, дав нам с сыном возможность поздороваться.

– Вы? – икнула Даша, проглотив жвачку, и быстро-быстро заморгала ресничками в мою сторону.

– Ну да, – ответил я, как бы нечаянно пнув розовый чемодан на колёсиках.

– Я не понял... А вы... – начал было Серёга.

Я медленно наклонился к Даше и шепнул в ухо с дырочками:

– Моего внука Сашкой назовёте?

«Корочедевушкамая» кокетливо поправила жёлтую майку в зоне декольте и, улыбнувшись, молча кивнула. Потом мы дружно доверили ручки наших чемоданов Серёге, Дашка подцепила меня под руку и мы смело пошли навстречу Серёгину будущему.

Папа, не сходи с ума!

Сегодня пятница, а значит по плану я сегодня примерный сын и хороший мальчик. Правда, мальчику седьмой десяток, трое детей, и внуков скоро буду раздавать в хорошие руки, но мама есть мама. Она старше, и у неё однозначно больше внуков, с учётом правнуков. С утра созвонились и обозначили время randevu. Это обязательная процедура. Делалось это для того, чтобы мама не умчалась куда-нибудь с подружками на посиделки. Ну как умчалась... в 89 не очень-то и разгонишься. Но моя мама может.

Заехал на рынок, набрал «вкусенького» и нужного. Звоню. Мама.

– Саша, заедь в аптеку, купи мазь от боли в суставах. Запиши название, – кричит в трубку пенсионерка-мать и ветеран всего чего только можно.

– Мама, я аптеку уже проехал. Записать не могу, я за рулём, – кричит в ответ всё ещё работающий пенсионер-сын.

– Пишешь, сынок? – кричит 89-летняя мама.

– Да пишу, мама, пишу, – ору и разворачиваюсь через двойную сплошную к аптеке.

Из того, что мама диктовала, запомнил только «...такая коробочка жёлтенькая...». Захожу в аптеку, покупателей – никого. Повезло. По ту сторону стекла стоит стройненькая девушка лет 23–25. Чёрные длинные волосы сплетены в тол-

стую косу, очень интересное восточного типа лицо, чуть раскосые карие глазки смотрят участливо. Типа: «...Ну хоть кто-то заболел. Сейчас как вылечу!»

– Здравствуйте. Слушаю вас, – прожурчал девичий голосок.

– Девушка, вы извините меня, забыл, как называется... – я нервно забарабанил кредиткой по аптечной стойке, – крем для суставов обезболивающий, в такой жёлтой коробочке.

Девушка, взмахнув полами ослепительно-белого халатика, хрупкой бабочкой-капустницей вспорхнула на лесенку и достала с верхней полки коробочку. Жёлтенькую такую.

– Этот? – спросила медработник.

– Да, чёр... Этот! – уверенно выпалил я. Какая разница? Лишь бы обезболивал, что надо.

Пока юная провизор укладывала что-то жёлтого цвета в целлофановый пакетик и пробивала чек, я нечаянно прочитал на её бейджике, приколотом к лацкану белого халата:

 ПРОВИЗОР БОРИСОВА ОКСАНА
 АЛЕКСАНДРОВНА.

Интересно девки пляшут... А я? А я – Борисов Александр Васильевич.

– Мужчина! Мужчина, с вас... – пробовал докричаться ребёнок в белом халате, – четыреста двадцать, мужчина.

А мужчина тупо стоял и смотрел... «Вроде нос – мой. И ушики... Я тоже был брюнетом в её годы. И высокая такая...» Из ступора меня вывела какая-то бабулька, пнув по ноге пал-

кой.

– Брать будешь, ирод? Рот открыл тут. Чай, не в музее. Денгу гони. Девка докричаться не может! Стоит, раскорячился тут!

Я перестал «корячиться», закрыл рот, расплатился, забрал пакетик и вышел из аптеки. Стало смешно. Да нет, не может быть... Отвёз маме мазь, загрузил её холодильник «вкусняшками», выслушал, что опять не то и не столько и что куда мои глаза глядели... Потом в очередной раз вместе с мамой поудивлялся «в кого я такой?» И что «был бы жив папа...» А в голове азбукой Морзе по буквам отстукивало: БОРИСОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Это ж надо... Моё любимое женское имя. Оксана. Странно, почему я дочек своих назвал одну Ксенией, вторую Кариной? Понятно, тёщино влияние. Царство ей... Втайне от жены порылся в старых фотоальбомах. Нашёл себя молодого. Ну вот же! Брюнет, и улыбаюсь... Нет, надо ещё раз приглядеться. Вот хохма будет, если...

Вечером позвонил старшей дочери. Рассказал. Посмеялись.

– Дочь, она такая хорошенькая! Давай себе её возьмём? – попытался продлить по максимуму шутку папа.

– Папа, не сходи с ума, – вдруг на полном серьёзе ответила старшая дочь. – Извини, завтра вставать рано. Пока, папуль.

Ночь, конечно, была бессонной. Совковой лопатой ковырялся в памяти, вспоминая все свои... и всех своих. Воро-

чался и шипел, как люля на гриле. Жена терпеливо вздыхала, думая, что у меня бессонница от проблем на работе.

На следующий день, положив в боковой карман пиджака паспорт, я поехал в аптеку. Оксана Александровна Борисова была на месте. Она летала между стеллажами, двигала ящички в пеналах, терпеливо выслушивала бабушек и строго объясняла мрачным, плохо пахнущим мужикам, что настойки боярышника нет. Я ждал и дождался. В аптеке нас осталось двое. Было видно, что она давно за мной наблюдает.

– Здравствуйте. Как вы сегодня себя чувствуете? – обратилась она ко мне, мило улыбнувшись. – Получше? Мазь помогла?

Я молча кивнул, улыбнулся в ответ, достал паспорт, развернул его и приложил к стеклу. Теперь «каменеть» пришла очередь Оксане Александровне. Правда, недолго. Видно, молодая нервная система настроена иначе. Она просто показала мне два больших пальца и звонко засмеялась!

– А может, ты моя? – серьёзно спросил я.

– Нет, что вы! – рушила мои надежды злая девочка. – Мой папа – русский и военный лётчик. Его год назад сюда перевели, и мы переехали из Казани. А мама – татарочка казанская! А я вот такая получилась. Извините, у вас, наверное, деток нет?

– Есть, – хватило меня на одно слово.

Ещё минуту я молча рассматривал цветные этикетки коробочек с презервативами и порошков от кашля, потом за-

хлопнул паспорт и пошел на выход.

– До свиданья. Не болейте! – услышал я вслед голосок несостоявшейся дочки.

Ах, так... Уже выходя из аптеки, я обернулся и спросил:

– А твою маму не Гюзель зовут?

– Гюзель...

Вампиры среди нас

Наконец-то солнце закатилось за крышу соседской дачи и перестало выкалывать глаза. Осень радовала отсутствием дождей и вторым августом. Правда, вечером и ночью стало прохладней, что тоже являлось жирным плюсом – исчезли кровососущие. От погасшего мангала тянуло дымом, пахнувшим подгоревшим бараньим жирком. Полчаса назад уехали друзья, по причине завтрашнего понедельника и начала трудовой недели. А мне уезжать было не обязательно. Во-первых, потому что я был у себя на даче. Во-вторых, у меня было ещё пол-ящика пива. И в-третьих, с понедельника начинался отпуск. Ну как вам перспективка?

В левой руке я держал прокопченный шампур с последним кусочком мяса. Не лез. Кусочек хоть и был последним, но, наверное, самым лучшим. Аккуратненький такой, не большой, но и не маленький... Такой, чтобы не кусать, а сразу. Весь. В меру прожаренный, с небольшой полосочкой жирка, что придаёт таким красаУчикам особую сочность. К кусочку прикипел и золотился на свету тоненький кружок лука, как бы подчёркивая законченность композиции.

И совсем не нужно было шампур подносить близко к носу. Запах молодой печёной баранины, профессионально выдержанной только в трёх компонентах: соль – перец – лук, слегка подкопченной на последних угасающих углях, будоражил

сознание и навевал воспоминания. Воспоминания о восьмилитровой эмалированной кастрюле мяса, которую мы сожрали, не подозревая, что идём на мировой рекорд по обжорству. Естественно, это было бы невозможно без «моря пива». Сначала в памяти всплыли те полчаса, когда мы его выгружали из багажников наших машин. Потом споры и сравнения типа: «...нафига ты эту фигню привёз?» и «...зато много, а твои три ящика мы ещё до шашлыков кончим!» И кончили! У нас был уговор – на природе тяжёлые напитки не употреблять, чтобы не перегружать сознание и окружающую среду. Поэтому кондиции мы достигали за счёт увеличения, так сказать, количества потребляемых декалитров. Благо туалетов на территории моей дачи было три.

В правой руке я держал пол-литровую кружку пива. Если быть точнее, пива там было чуть меньше половины. Пена давно упала, и янтарную жидкость с большой натяжкой можно было назвать пивчеллой. Раза два-три в минуту рука машинально сгибалась в локтевом суставе, поднося кружку ко рту, но за сантиметров десять до пункта назначения останавливалась, зависала и... опускалась на исходную позицию. Мочевой пузырь облепчённо сдувался, а почки, пискнув, погружались в полудрёму до следующего раза. Не лезло. Из глубины души, время от времени, поднимались колючие пузыри и пузырьки. Пузырьки на выходе смешно щекотали ноздри, а пузыри вырывались в атмосферу с диким утробным рыком.

Чья-то добрая душа аккуратно и добросовестно выстроила в шеренгу пустые бутылки из-под пива по краю дачной дорожки. Тёмно-зелёные стеклянные столбики любезно указывали маршрут от мангала к дачному WC. Ещё дедовское кресло-качалка старчески поскрипывало подо мной, издавая исторические звуки прошлого века. Лёгкий сквознячок залетел в левую штанину широких шорт, на несколько секунд затерялся там, ища выход, и охладив то, что ему доверили, несколько подогретый, выскальзывал в правую штанину. Поза была идеальной. Шевелиться не хотелось.

Наконец, крыша соседской дачи отпустила солнышко, и оно начало медленно катиться по коньку веранды, чуть подпрыгивая на волнах черепицы. Его тёплые лучики, словно нежные лапки котёнка, начали топтаться по моему телу, скачиваясь с круглого пивного брюшка и подогревая его содержимое. В дом идти не хотелось. Веки, подрагивая от нахлынувшей безмятежности, предательски смыкались, пальцы правой руки немели и расслаблялись, угрожая окружающей среде и моему участку тела в шортах пролитым выдохшимся пивом.

– В333... в3333... в333333333!!! – ворвался в мозг гнусный звук.

О! Этот звук был знаком всем теплокровным на этой планете. Мои глаза широко открылись, живот подтянулся, на всякий случай, шампур вперёд... Я приготовился защищаться. А если найду, куда поставить недопитую кружку пива, то

и напасть могу!

– Вzzzzz... взzz, – теперь уже откуда-то слева.

Где эта сволочь? Главное, не шевелиться и заметить, куда этот гад намерен приземлиться. Гад или гадина? Слышал, что у комаров кровь пьют только самки. Даже не сомневаюсь! Достаточно вспомнить жену в день моей зарплаты. О! Вижу! Здоровая такая. И худая. Худые все злые. Взять хотя бы мою тещу... Так! На второй круг пошла. Сейчас только приземлиться, а я её ЛЯП, ШМЯК, ТРЕСЬ, ШЛЁП, ШАНДАРАХ!!! Одно мокрое место... хотя откуда мокрое? Интересно, осень завтра закончится, а она ещё летает. Последняя? Это я сейчас мочкану последнюю комариху? А если она последняя на Земле? Может, пусть пожрёт по-человечески перед смертушкой? Хоть будет, что вспомнить. Кайфанёт на раз-два! Во мне столько пива!

Тем временем насекомое зависло над открытой рукой и начало медленно снижаться. У меня очень хорошее зрение, несмотря на равнодушное отношение к морковке. Я видел, как от брюшка отделились шесть лапок-шасси и заняли свои места согласно инструкции по посадке. Тонкое вытянутое тельце, выпустив закрылки, или что там у них, опустилось...

А вот опустилось не очень удачно. Я бы даже сказал – бездарно грохнулось, запутавшись в густых зарослях волос на руке. Ну кто так садится, барышня? А как ты жрать собираешься? Три лапы в шпагате, две дрыгаются, как будто педали крутят, а шестая стоит на цыпочках. Я извиняюсь, фуэте со-

бираетесь крутить? Так дело не пойдёт! Выберишься из этой волосяной ловушки и ищи место для приёма пищи понадежней.

Насекомое, дрыгая лапками и трепеща крылышками, вырвалось, наконец, из зарослей на руке и поднялось повыше, чтобы оценить обстановку. А что тут оценивать? Давай на пузо! Волос по минимуму, и поляна – хоть компанию зови.

Дошло видно! На мгновение зависнув и оценив поле непаханное, комариха (по-моему, я даже видел, как она облизнулась) сходу плюхнулась на мой живот. Потом, потрогав передними лапками свой хоботок, поставила его строго под 90 градусов к моему пузу и начала глубокое бурение кожного покрова. Не скажу, что совсем ничего не чувствовал. Чувствовал! Рая делала мне больно! Почему я назвал комариху именем моей жены? А догадайтесь, бл...!

Это знакомое всем состояние! Когда сидишь в кресле у стоматолога, вроде и укол сделали и нерва в зубе давно нет, а чувство ненависти к стоматологу не проходит. Вот не проходит!

Никогда не проводили подобных экспериментов? И вроде понимаешь умом – ну что эта фигня с крылышками у тебя отъест? Но тёплых чувств всё равно к ней не испытываешь. К Рае в смысле. А вот интересно, что у неё сейчас? Обед, ужин, полдник? И кто я для тебя, Рая? Второе или всё же десерт? А может, аперитивчик?

Около пяти минут Рая качала из меня кровь. Я хорошо

видел, как заполняются пустые резервуары этого миниатюрного кровавого танкера. Видел, как вдруг поднялась и прижалась к брюшку задняя пара лапок, как всё тельце этой малюсенькой вампирши раздулось и приобрело цвет кровавого рубина. Красиво! Моя...

Через мгновение я почувствовал, как комариный бур вышел из меня. Обед закончен, господа? А дальше что? Танцы? Затрепетали, зазвенели, нарушая дачную идиллию, комариные крылышки. Тяжело оторвавшись от тёплой площадки живота, безвольно болтая натруженными лапками, Рая сантиметр за сантиметром поднимала вверх наворованное. Она медленно, проваливаясь в воздушные ямы, с трудом держа горизонт и сбиваясь с курса, приблизилась к моему носу. Звук, издаваемый её натруженными крылышками, то пропадал, то натужно тиранил слух. Мы встретились глазами.

– Спасибо, Саша! – сказала Рая.

– На здоровье, Раиса Захаровна! – ответил я.

Но тут! С яблони-антоновки, под которой меня ели, с самой верхней ветки, с самого верхнего, чуть пожелтевшего листочка, сорвалась капля вечерней росы. Прозрачная, как слеза, она поймала последний яркий луч заходящего солнца и сверкала, как алмаз в короне царицы-Осени. Капля всем своим чудовищным весом, с огромной высоты трёхметровой антоновки, обрушилась на мою Раю...

Лапки... крылышки... носик...

Ну, не то чтобы фейерверк, конечно! Так, розовое облач-

ко на фоне жёлтых одуванчиков! Сюсекундный натюрморт.
Красиво, никто не спорит...

Чёрт! Как же чешется пузо! Вампиры среди нас! Пойду
домой, надо чем- то намазать!

Пожалейте девочку-подростка!

У всех бабушки как бабушки! А у меня... У меня – бабушка Оля! Она мамина мама и дедушкина жена. Живёт она не с нами, у меня в комнате даже фотки её нет, но её фантом, так папа говорит, повсюду.

С тех пор, как я родилась, я не помню себя без бабушки Оли. Помню родилась, а бабушка тут как тут! И началось:

– Руки мыла? Кушать хочешь? Уроки сделала? Марш домой...

Ну когда тут жить в своё удовольствие, дышать полной грудью, самосовершенствоваться и проявлять инициативу? Всем этим руководит бабушка Оля! Инициативу гасит на корню, вцепилась в меня так, что не продохнуть, совершенствоваться разрешает только при поедании овсянки, и удовольствия от жизни, как сами понимаете, мне ещё ждать и ждать.

Нет, вы не подумайте, я не только бабушке досталась. Воспитателей у меня практически полный набор. Поверите? У меня даже прабабушка сохранилась! Я её все рассказы про войну уже выучила. И как они на самом большом танке захали в Лондон – я думаю, Гитлера ловили. А потом Тимати ещё песню про это написал: «...я уеду жить в Лондон!» Помните? А потом ей сам Ленин медаль вручил. Вручил, а потом умер. А может и не умер... Я сама у прабабушки на

старой пластинке трек слышала: «...Ленин всегда живой...».

У меня и дед есть. Его все Василичем зовут. И, между прочим, меня в честь его и назвали. Нет, вы не подумайте, меня не Василичем зовут, а Сашкой. Когда дедушка был молодой, его, наверное, тоже так звали, но это было давно. Дед – случай особый, я о нём лучше отдельно расскажу.

А вот мама с папой у меня хорошие. Я всегда говорю, что очень их люблю. И они говорят... Но у мамы с папой на меня мало времени. Дед говорит, что они «пашут, как рабы на галерах». Я пока не знаю, что такое «как на галерах», но думаю, это что-то очень тяжёлое и взрослое. Поэтому мной в основном занимаются два этих... неработающих пенсионера.

И, как понимаете, никакой личной жизни. Помню, повстречала я одного молодого человека. Знаете, так бывает!словно искра, молния, радуга... Внезапно встретились глазами, улыбнулись друг другу, и всё! Понимаешь вдруг – это он! Единственный и навсегда! Всё! Выхожу за него. Я уже и колечко у бабушки в шкатулке присмотрела. И, казалось, уже ничто и никто не смогут нас разлучить в этом сложном мире. А фиг! Ещё как смогут. Начала, конечно, бабушка Оля:

– А не рановато ли, дорогая? Жизнь длинная, может, пока просто подружите?

– И маленький он какой-то для своих лет. И лопухий! – подлил масла в бабушкину топку предатель-дед.

Бабушка Оля всё не унималась и умничала:

– Александра, не нужно так обнимать Вениамина! Боже, имя-то какое...

– Сань, смотри, у него и половины зубов-то нет и шортики мокрые. Обсикался, что ли? – продолжал унижать моего избранника Вениамина злобный дед.

– Ну и что, что мокрые! И то, что маленький... Вырастет! И зубки все вылезут. Мы же ещё молодые! Нам же всего по три годика! И слово В е н и а м и н я спокойно выговариваю, хоть и со второго раза. Любовь у нас! Понимаете?

Давно это было. Венька, или как его называют одноклассники, Веник, учится в параллельном классе. Маленький, прыщавый, с дебильной причёской, и по физре у него «тро-ряк». Такие точно мне не нравятся. Но как мою личность пытались в молодости подавить – помнить буду и этим пенсионерам ни за что не прощу.

Честно говоря, думала, что вот пойду в школу и обрету свободу. Ещё одна ошибка молодости. Моя школа рядом, но каждое утро заспанная мама подвозит меня прямо к школьным дверям, а после уроков, двухметровой каланчой, выходясь над такими же встречающими, ожидает меня мой дед. Где её взять, эту свободу? Только познакомлюсь с приличным мальчиком, только он мне на сэкономленные от обеда деньги мороженое купит, только тяжеленный портфель до подъезда допрёт... Нате вам! Откуда ни возьмись нависает сутулая тень деда. Тянет свою старенькую ручку познако-

миться, а потом как сдавит неокрепшую ладошку и тихо так:
– Александр Васильевич я. Дедушка Сашин. Мастер спорта СССР по боксу, между прочим.

И мальчик уже не знает, спрашивать, что такое СССР, или уже бежать пора! Это ж я так и в девках остаться могу.

Я круглая отличница. Думаете, я этого хочу? Об этом мечтают девочки-подростки? А куда прикажете деваться, если у папы два высших образования, у мамы два высших образования, у бабушки два, и только дед «оплошал», у него всего одно. Поэтому дед, ответственный за моё физическое воспитание, и мучает физически. А остальные? Остальные думчивают морально то, что от меня осталось. Конечно, больше всех свирепствует бабуля. Почему? Она физмат-школу закончила! Я-то надеялась, что она хоть что-то забыла, старушка ведь совсем. Фигушки! Нет пока провалов... Ничего, скоро дифференциалы пойдут... Посмотрим!

До аттестата зрелости и паспорта ещё далеко. Но ведь у нас, у несовершеннолетних, должна быть своя личная жизнь, своё жизненное пространство. И как объяснить это этим... тем, кто тебя любит? Но так, чтобы не обидеть, конечно. Предложения есть? Подскажите! Пожалейте девочку-подростка!

Мой дед – врун!

Врун, болтун и хохотун – так себя называет мой дед. Врун – так называет его бабушка. Любя, конечно.

Первый раз дед обманул бабушку очень давно. Они познакомились на «дискаче» или на танцах, как тогда говорили. Дед тогда только вернулся с воинской службы. Бабушка вспоминала, что каждый день, на протяжении двух недель, он с упоением рассказывал беззащитной девочке, как героически служил пограничником на дальней заставе. На танцы он приходил в красивой парадной форме с зелёными погонами. Дед гордо рассказывал, за какие подвиги у него на груди эмалированные значки. И даже разрешал их потрогать.

Дед пел ей песни о том, как они вместе со своим боевым другом и верным напарником Джульбарсом перекрывали контрабандные тропы. Сутками напролёт преследовали нарушителей, ловили их, связывали штабелями, а потом грузили их пачками в вертолёт и увозили... Прямо в тюрьму. А награды: ордена, медали там всякие он не носит. Скромный потому что. Моя юная бабушка слушала моего боевого пограничника-дедушку с широко раскрытыми глазами, крепко зажмуривала их в страшных местах, хлюпала носиком от восторженных эмоций, смеялась над несмешными солдатскими шутками, верила и потихоньку влюблялась.

Прошло совсем немного времени, прежде чем моя бабуш-

ка случайно открыла дембельский фотоальбом деда. В нём не было фотографии ни одной собаки, даже дворняжки. Не было дозорных вышек и полосатых пограничных столбов. Зато на каждой странице был дед, то по пояс голый, то в фуфайке. Но везде с лопатой, киркой или молотком и полным ртом гвоздей. Это называлось загадочным и суровым словом – стройбат! Бабушка поняла, что её обманули, но было слишком поздно. Отшумела и отплясала свадьба, потрачены до копейки подаренные молодым денежки, а в животе у бабушки уже толкалась моя мама.

Второй глобальный дедовский обман случился, когда выросла моя будущая мама. Ну, совсем выросла. Так выросла, что как-то на ужин привела в дом своих родителей моего будущего папу.

Вот мол, так и так... знакомьтесь.

– Игорь.

– И что? – недоверчиво спросил моего будущего папу мой будущий дед.

– Да вот, встречаемся... вроде серьёзно.

– Наливай тогда! – сориентировался мамин папа, увидев оттопыренный на груди пиджак у будущего моего папы.

– Тогда за родителей! – сориентировался и мой будущий папа.

– А дальше чё, Игорь?

А тот ни бэ, ни мэ... Стоит, обои ногтем ковыряет.

– Пойдём покурим, – говорит дед, оттаскивая нашего Иго-

ря от капитального ремонта.

Курят. А дед возьми да и скажи задумчиво так:

– Хочу машину поменять. А вот «Мерседес» продавать жалко. Больно уж хорош. Оставлю-ка я его для внука! Пусть его папка катает.

На следующий день мой папа маме предложение сделал. Свадьба богатая была. И весёлая. Дедушка говорил всем по секрету, что он «свадебный генерал». Рядом сидящие гости им гордились и селфи с ним делали по очереди. «Мерседес», конечно, дедуля родителям моим не подарил. К тому же не внук родился, а я. Сашкой в честь деда назвали. А мой папа сам на машину заработал. Ещё круче, чем у деда.

Вы не думайте, врал дед и по мелочам! Вот, например, в нашей семье он был ответственным за моё физическое развитие и духовное воспитание. Как только с меня сняли последний памперс, он поволок записывать меня на различные секции, в студии и кружки. Искал во мне таланты, так сказать. В чём подвох? О! Это нужно слушать сидя. Мой, тогда ещё пятидесятилетний, равномерно седеющий дед каким то образом распустил слух, что он поздний, но очень состоятельный папаша-одиночка.

Деда клеили все тренерши-разведёнки, демонстративно высоко поднимая ноги и неожиданно при нём плюхаясь на шпагат. Пока в зале меня ставили в третью позицию, в комнате ожидания деда окружали лучшие специалистки по фитнесу, пилатесу и йоге. Он ел из рук спортивное питание и

запивал кислородным коктейлем. Дед, высекая искры из кафеля, бил копытом и молодец у меня на глазах. Один раз даже назвал по телефону бабушку Ольгой Владимировной и сказал, что на сегодня она свободна. Просто в это время он перед тренером по латиноамериканским танцам круги сандалиями выписывал и возмущался, что секретарша у него назойливая. Вот я тогда смеялась! Конечно, бабушке я ничего не сказала. Я же не предательница. Только маме.

Процессу омоложения пришёл конец, когда бабуля, забыв ключи от квартиры, приехала к нам на тренировку. Вид спорта мы поменяли на следующий день. Теперь это было фигурное катание. Тренером был Анатолий Петрович!

Не вставайте, если вы сидите. Дальше будет очень жёстко! Мои родители купили новую квартиру, и мы переехали в другой район. К сожалению, пришлось менять и школу. В начале учебного года объявили о родительском собрании. Папа был в командировке, у мамы квартальный отчёт, а у бабушки варенье доваривается, которое на деда оставлять ну никак нельзя. Из совершеннолетних, способных принимать самостоятельные решения, оставался только дед.

Мои долго сомневались, но других вариантов так и не придумали, кандидатуру деда утвердили. Тот оживился, торжественно достал из шкафа строгий чёрный костюм, вытряхнув из карманов нафталин и мелочь времён Советского Союза. Потом оттащил бабушку от варенья, а меня от компьютера, и мы начали его собирать. Дед капризничал, менял гал-

стуки, носовые платки, нервно продувал расчёску и ныл, что двубортные пиджаки сейчас не в моде. А ещё носки одевать не хотел, говорил, что без носков – самый писк, что в телевизоре все так ходят.

На родительском собрании, как и водится, 95% присутствующих составляли женщины. Мамы и бабушки. И только 5% – мужчины. Это был мой дедушка, хотя по физическому весу его было больше. Сделали перекличку. Потом классная руководительница попросила представиться новеньких. В нашем классе их было трое, вместе со мной. Встала мама Серёжи Борисова, представилась. Сказала, что работает в ж/д кассах и что будет рада помочь, если что... Родители оживились и благодарно закивали, записывая телефончик. Потом была бабушка моей подружки Насти Волошиной. Она была на пенсии... поэтому она просто улыбалась родителям, а те просто улыбались бабушке.

Потом был мой дед! Он встал по стойке смирно, одёрнул пиджак, еле застегнув его на все пуговицы, и, откашлявшись в кулак, громко прогремел:

– Лётчик-космонавт России. Заслуженный лётчик-испытатель Российской Федерации Иванов Александр Васильевич. Дедушка Саши Литовченко.

Потом в абсолютно гробовой тишине добавил, как гвозди вколачивая в Доску почёта:

– Два раза... виноват, три раза выходил в открытый космос!

И, развивая успех, окончательно добил тётку:

– На приёме у Путина... лично... за одним столом!

Бабушка Насти Волошиной громко икнула, зачем-то перекрестившись на дедушку, и в пояс поклонилась. Было слышно, как громко, на глубоком вдохе, скрипят лямки лифчика на спине у нашей классухи. Кто-то робко захлопал... и через мгновение весь родительско-педагогический коллектив разразился бурными и продолжительными овациями. Даже техничка тётя Паша, прислонившись ухом к двери класса, громко стучала шваброй по ведру, приветствуя гордость 4-го «В». Потом слово взяла Настина бабушка. Она натянула блузку на остатки груди и предложила моего деда выбрать председателем родительского комитета. Но тут встал дед и корректно поставил в известность коллектив, что мол, польщён доверием, но никак не может. В полголоса объяснив, что связан Присягой и что вызвать (оттуда) его могут в любой момент. Все дружно посмотрели на потолок и понимающе согласились.

А кто помнит фамилии всех наших героев-космонавтов? Их, родимых, уже за сотню. Кто после слов седого исполина в чёрном костюме и галстук в горошек, как у Ленина, будет биться об интернет и доказывать, что нет такого Иванова на фотографии в скафандре? А вот и есть! Ивановы они везде есть!

Всё это перед сном, вместо вечерней сказки, рассказывал мне дед. Я похихикала и уснула. А на следующий день мой

дед, а вместе с ним и я, были главными героями школьных сплетен. Я купалась в славе! Подруги угощали меня пирожными и конфетами, пропускали без очереди в туалет, а пацаны дрались за возможность подержаться за мой портфель и приглашали на дни рождения.

В течение всего учебного года дед сидел в президиумах всех общешкольных мероприятий. Его приглашали на все праздники, юбилеи, а иногда и на педсоветы. А на День космонавтики «живая легенда» даже произнес пламенную речь, после которой два троечника из 3-го «Б» пообещали стать космонавтами. А после линейки дед вместе с трудовиком и физруком заперлись в столярной мастерской. До самого вечера оттуда были слышны тосты за космос, прогресс и Гагарина. А трудовик жалобным голосом, а капелла, спел песню про яблони, которые зацвели на Марсе. Ходили слухи, что «имени его» хотели даже что-то назвать... Но не успели.

А сейчас мы всей семьёй и дедушкой Мишаней, другом деда, сидим на белых жёстких стульях в длинном коридоре с белыми стенами и таким же полом. Все молчат. А за той белой дверью умирает мой дед. Он всегда всем говорил, что у него железобетонное здоровье. Оказалось, что, как всегда, врал! Молча принимал какие-то таблетки, которые сам себе прописал, говорил, что ничего страшного, пройдёт... А теперь вот умирает...

В белую дверь быстро входят и выходят серьёзные тётеньки и дяденьки в белых халатах. На нас не смотрят. Папа не

выдержал и побежал за самым главным врачом. Тихо охнула бабушка. Дедушка Мишаня крикнул:

– Можно врача?!

Вернулся папа и, ни на кого не глядя, хрипло сказал:

– Всё...

– Что всё?! Ничего не всё! Что вы, нашего деда не знаете?

Он же врун!

Дедушка! Миленький! Ну пожалуйста!

Любовь зла, полюбишь и... таксу

Ну что я могу поделаться? Ну не идёт у меня из головы эта смазливая девчонка. Ой! Я сказал «смазливая»? Вот хам! Это всё уличное воспитание. Она просто красавица! Жгучая брюнетка. Изящное стройное тело спортсменки-разрядницы. Длинная тонкая шейка, прямой и тонкий носик говорили о её непременно благородном происхождении. А глаза... Эти карие, пронзительной глубины глаза пронизывали насквозь мою израненную невниманием душу. Ласковый взгляд её удивительных органов зрения приводил моё душевное состояние в необъяснимый трепет и оцепенение. Цок-цок, цок-цок – бежала по дорожкам моя девочка. Цок-цок, цок-цок, и десятки любопытных оборачивались, чтобы хотя бы одним глазком увидеть это совершенство, запомнить и рассказать всем, что наш жестокий мир совершенен, если по нему «цокают» такие ножки. Прекрасен, если в нём живут такие небесные создания! О, как бы я был счастлив поймать на себе её случайный взгляд. Хотя бы метр пройти с ней рядом. По тропинке, по дорожке, да хоть по битому стеклу! Почувствовать её божественный запах и пропитаться им, чтобы потом, лёжа на своём холостяцком неудобном ложе, смотреть на звёзды, нюхать себя и вспоминать эти забываемые мгновения.

Но однажды чудо свершилось! Я играл со своими друзьями

ми-мальчишками и девчонками в городском парке. Мы бегали и прыгали, бросали и ловили мячик, орали и смеялись от восторга. Нам было очень весело! Но тут вдруг я увидел её. Я узнал бы её из тысячи. Она стояла рядом со своей спутницей, которая что-то возбуждённо рассказывала своей приятельнице, державшей за руку вертлявого мальчишку лет десяти. Моей прелестнице и мальчишке было скучно слушать эти взрослые женские разговоры. Они с большим интересом наблюдали за нашими жизнерадостными играми, постоянно дёргали за руки своих мучительниц и просили их отпустить побегать вместе с нами.

– Ладно, иди порезвись, дорогая. Только чтобы я тебя видела. Ты поняла меня, Рая? – наконец сдалась первая женщина.

– И ты иди, Серёженька. За Раечкой присматривай, – отпустила, наконец, мальчишку вторая собеседница.

Рая! Её зовут Рая! Теперь я знаю, как зовут любовь всей моей жизни! Я стоял как вкопанный, туловище не шевелилось, глаза остекленели. Я видел только её.

– Ромка, Ромка, лови мячик, – весело кричал какой-то мальчишка, запустив в мою сторону резиновый снаряд.

Мячик звонко шлёпнул меня между глаз и отлетел в сторону бегущей по траве Раечки. Она на бегу ловко поймала его, подбежала ко мне и положила у моих ног. Что я должен был делать? Ноги не держали, я весь задрожал от возбуждения и невольно сел, а потом лёг на травку. Мячик лежал пе-

ред моим носом. От переизбытка чувств я нежно лизнул его. Передо мной стояла и улыбалась та, которой я посвящал все свои мысли. Та, из-за которой я не спал ночами и готов был выть на луну от безвыходности своего положения. Та, чьё прекрасное имя так созвучно с моим.

– Раечка. Такса, – опустив свои густые длинные ресницы, произнесла моя прелесть. И, изящно присев, напи сала небольшую лужицу.

– Роман, – чуть склонив свою лобастую голову, представился я. – Из биглей, хотя есть и другие версии.

Потом, галантно подняв правую заднюю ногу, два раза сикнул на жёлтый одуванчик.

– Значит, Роман из биглей, говорите? – переспросила знойная красавица, как бы невзначай понюхав мою попу.

– Так точно-с! Из биглей. Роман-с! – пробасил я в ответ, нервно и быстро заколотив хвостиком.

Давно я не вёл себя так глупо, так откровенно по-дурацки, по-мальчишески безответственно. Да и вид у меня был далеко не идеальный. Я сидел, непрерывно мигая своими поросячьими глазками, вывалив из пасти пересохший от переживаний язык, совсем не представляя, как и с чего начать разговор с этим коротконогим ангелом.

– Роман, а давайте в мячик поиграем! Догоняйте! – вдруг пискнула Рая, схватив своими восхитительно белыми зубками зелёный, от долгих скачек по траве, теннисный мячик.

Такса стремительно быстро побежала по лужайке, утопая

в густых зарослях давно не стриженной газонной травы, сбивая своим хвостиком мелкие голубые цветочки и запуская в небо белые зонтики отцветающих одуванчиков. Конечно, такие понятия, как «стремительно быстро» и «запуская в небо» у такс имеют несколько иной смысл. Скажите, ну как можно «стремительно» бежать этими коротенькими, не совсем прямыми лапками? А всё, что выше метра, у них уже небо! Но это между нами. Рае – ни-ни!

Раечка бежала, попискивая от удовольствия и наслаждаясь свободой, а я, чуть отстав, не спеша шёл следом, интригуяще приговаривая:

– Я шаз кого-то догоню, догоню, догоню...

Как же был счастлив я тогда! Где-то далеко позади остались девчонки и мальчишки, ползающие на зелёных коленках в поисках мячика, две дамы с растерянными лицами и вертлявый мальчик Серёженька, получивший подзатыльник за то, что не уследил за собачкой Раечкой. Мы их уже не видели. Правда, иногда доносился печально-драматический высокий голос, переходящий на гласных в ультразвук:

– Рая! Рая! Ко мне, моя девочка! Раечка, иди к своей мамочке!

«Мамаша, успокойтесь, ваша дочь в надёжных лапах!» – хотелось гавкнуть в сторону асфальтовой дорожки. Мы весело бежали по лужайке, утопая по самые уши в зелёной душистой травке. Её упругие стебельки нежно щекотали нам животики. Мы носились, как сумасшедшие, друг за другом,

сбивая одуванчики и поскальзываясь на улитках.

– Привет, Ромка! – вдруг донёсся густой бас откуда-то сверху. – Всё носишься?

Я поднял глаза вверх и увидел огромную голову без ушей, заслоняющую своими размерами солнце и половину парка. Это был мой друг Тайсон. Его величественная фигура стояла на трёх лапах возле куста сирени. Великолепно сложенный торс, могучая грудь, необъятная напряжённая шея, ошейник, застёгнутый на последнюю дырочку, вдруг замерли, как на чёрно-белой фотографии с собачьей выставки. Под кустом сирени журчало.

– Ой, Ромочка, кто это? – нежно пролаяло из-под жёлтого одуванчика.

Журчание резко прекратилось, Тайсон быстро опустил правую заднюю конечность и глубоко втянул себе в нос запахи окружающей среды. Пахло женскими духами *Angeou Demon le Secret*, совсем как у его хозяйки. А ещё пахло селёдкой и обойным клеем. Это уже от Ромки. Раздвинув своими лапками широкие листики подорожника, к «мужчинам», грациозно виляя рыжим пятнышком на попке, вышла Раечка. Тайсон, галантно сглотнув набежавшую слюну, представился:

– Тайсон Памелла Энжел Америка третий! Американский питбультерьер. Для вас, мадам, можно просто Тайсон.

– Раймонда Сигуэрра Сьерра де Паско. Разумеется, первая. Такса. Можно просто Рая. Между прочим, мадемуазель.

Как же мне было неудобно смотреть на всё это. Скажите, пожалуйста, какие мы породистые! А как на кусты в парке сикать при всех... Я видел, как мелко-мелко задрожал у Раечки кончик хвостика, как заблестели её глазки, спотыкаясь взглядом о бугры мышц на груди у Тайсона. Видел и как этот здоровенный балбес, высунув свой мокрый язык, капал слюной мне на голову, по-щенячьи поскуливая. Надо было что-то делать. Разрядил обстановку далёкий, но такой душевный, а главное, своевременный женский голос:

– Та-а-а-айчи-и-и-ик! Ты где, мой зайчик? Ко мне!

«Зайчик? Вы где таких зайчиков видели? Ничего себе зайчик, весом с полцентнера! А зубищи? Такими клыками только морковкой хрустеть! Я уже не говорю об ушах, которых просто нет!» – возмущённо крутилось у меня в голове.

Тайсон сконфуженно оглянулся на крик, прекратил попискивать и семенить своими лапищами.

– Это моя... меня. Рад был... Идти надо. Ей волноваться нельзя. Давление, знаете ли, – доходчиво объяснил породистый Тайсон и, пару раз гребанув полноприводными лапами по густой траве, лёгкой рысью побежал в сторону запаха любимых французских духов фирмы Givenchy.

Но я-то видел, каким трепетным длинным взглядом провожала моя Раечка этого бодибилдера, играющего всеми группами мышц на моих нервах.

– Рая. Раечка! – пытался дозваться я до любви всей моей жизни.

– А? Ах, какой он всё-таки... Ромочка, вы с ним давно знакомы? – томным голосом спросила меня маленькая собачка, изящно вытягивая длинную шейку в сторону удаляющегося Тайсона.

– Да. Он мой друг. Лучший, – помрачнев, ответил я.

Вечерело. Конечно, у меня был план. Нужно было отвлечь эту породистую су... сударыню от золотого медалиста, лучшего представителя породы, чемпиона чемпионов, объекта мечтаний и ночных сновидений всех мадемуазелей нашего микрорайона. И было чем! Ещё со вчерашнего вечера, как будто зная наперёд сегодняшний расклад, я приберёг немыслимый сюрприз. По лично мной разработанной теории даже самую породистую су... сударыню можно отвлечь, привлечь, заманить и обворожить вовремя предложенным ужином.

Во время обеда на моей подшефной стройке дальнобойщик и мой друг Мишаня нечаянно вывалил себе под ноги из коробочки с домашней едой огромных размеров куриную ногу. Смеялись все, кроме меня. Я просто сидел и замороженно смотрел на эту пахнущую чесночком, с хрустящей корочкой и прилипшими к ней макаронинками огромную ногу курицы рекордсмена. В одно мгновение я вспомнил всё, что знал об Австралии и страусах эму, непосредственных родственниках Мишкиной несъеденной ноги. Длинные прозрачные, как слеза у страуса, похожие на шнурки слюни замёрзшим Ниагарским водопадом струились из моей открытой пасти на песок.

– Убежала, гадина. Ну, на то она и нога, – обречённо сказал Мишаня. – Чё смотришь, Ромыч? Бери. Надеюсь, никто возражать не будет?

Из присутствующих не возражал никто. К тому времени во мне уже было: полкотлеты говяжьей (спасибо девочкам-маляршам), шкурки от трёх сарделек (спасибо Васе-электрику), полбанки пересоленного горохового супа (Вовка, у тебя жена в кого-то влюбилась), приличный кусок «Краковской» полукопчёной (прораб Петрович, моё почтение) и две «жопки» от пирожков с капустой от жмота командировочного. Но два раза меня просить не надо!

Я быстро подбежал к Мишане, благодарно лизнул его пахнущую соляркой руку вместе с ложкой, поднял с земли эту ну очень заднюю куриную ногу и пошёл. Я шёл, путая следы, озираясь и присматриваясь к любому движению, к любому шороху. Хвост замечен не был. Я кошачий имею в виду. Потом старательно вырыл глубокую яму в куче свежего речного песка и быстро закопал свою добычу, пометив сверху для ориентира двумя-тремя струйками. Коты так рыть не умеют. Ну разве я не счастливчик?

– Ромочка, а где ты живёшь? – отвлекло от воспоминаний ангельское поскуливание Раечки.

– Собственно, мои апартаменты тут, недалеко. С моей террасы открывается великолепный вид на вечерний город, парк и речку. Долгими летними вечерами я люблю проводить солнце и встречать первые звёзды, сидя на самом краю

самого высшего балкона. Раймонда, я почту за честь... – начал было я.

– К чему так много слов, милый мой, – перебила меня Раечка, нервно облизываясь. – Конечно, пойдёмте. Надеюсь, у вас будет, что перекусить. В это время в нашем особняке подают ужин.

Через десять минут мы были на стройке. Обойдя вагончик сторожа, перепрыгнув через глубокую колею, оставленную огромными колёсами Мишаниного КамАЗа, и съехав на полах по куче мелкого щебня, мы оказались у подъезда недостроенного девятиэтажного дома.

– Вот, собственно, мы и пришли. Моя, так сказать, будка, – скромно объявил я, наблюдая за реакцией Раечки.

Она медленно подняла вверх свою остренькую изящную мордочку. Её длинные бархатистые ушки внезапно завернулись от восторга. Раечка быстро-быстро захлопала своими длинными ресничками и с огромным удивлением пропищала:

– Рома, вы здесь живёте? Сколько же этажей в вашей будке?

– Да я как-то... восемь-девять где-то, – уклончиво ответил я, не понимая, куда клонит эта красотка.

– А прислуга? Сколько же здесь у вас работает людей?

– Много, дорогая! Маляры, штукатуры там... Вовка-электрик.

– Да вы олигарх! А в нашем доме всего три, – восторженно

объявила Раечка.

– Возможно, у вас «недострой». Я в этом понимаю. Я в строительном бизнесе, так сказать, не первый год, – прояснил ситуацию я, пропуская даму вперёд на лестничную клетку.

На пятый этаж мы поднялись быстро и весело. Раечку совсем не смутило, что пришлось идти пешком. Оказалось, она за здоровый образ жизни и, вообще, чемпионка по бегу в закрытых и обогреваемых помещениях. В моей спальне был некоторый беспорядок. Перегруженная вешалка для рабочей одежды упала, и по всей комнате валялись спецовки, чьи-то носки, перчатки, фуражки и оранжевые каски, заляпанные цементным раствором. Я вцепился зубами в спецовку почище и подтащил её к проёму в стене, где планировали монтировать балкон.

– А это мой «телевизор», – гордо сказал я, – правда, программ пока всего три. Утренняя, дневная и вечерняя.

Перед нами открывался великолепный вид на вечерний город. Солнце садилось, но ещё было достаточно светло, чтобы успеть насладиться великолепной панорамой. Раечка мельком посмотрела на недопитую кем-то бутылку кефира с пузырьками, на кусок булки, облепленный муравьями, и скромно спросила:

– Ромочка, а когда в твоём доме подают ужин?

– Раечка, в этом доме подают ужин, как только этого пожелает очаровательная гостья, – галантно ответил я, пони-

мая, что с высокого стола кефир и булку не достать и надо быстро бежать к заветной куче речного песка.

Предложив даме, пока меня нет, посмотреть вечернюю программу, я посадил Раечку на спецовку, поближе к проёму в стене, и помчался вниз. Ситуацию спасти могла только она. Задняя нога курицы-мутанта! Только она могла отвлечь мою любовь от воспоминаний о толстой шее, бугристой груди и мускулистой заднице моего лучшего пока ещё друга Тайсона. Уже через минуту я был у заветной кучи речного песка. Пока меня не было, она вдруг увеличилась. Наверное, Мишка вывалил на неё, а значит, и на мою заначку, ещё десять тонн песка. Передовик! Я начал рыть! Рыл... рыл... рыл!!! Нет, вы не подумайте, я знал направление. Просто я не думал, что будет так глубоко. Вспомнил даже про Раю. Таксы ведь норные охотничьи собаки. Может, пусть идёт и роет тоннель к своему ужину?

Мне казалось, ещё чуть-чуть и я услышу перестук колёс состава метро, но тут мой идеально настроенный на запахи нос почувствовал его. Этот неповторимый коктейль из запахов чеснока, чёрного перца и машинного масла. Именно так всегда пахли Мишанины руки, усы, майка на груди и всё, к чему он прикасался, а я потом нюхал. Через минуту я уже пятился назад, выволакивая на свежий воздух консервированную в речном песке гигантскую куриную ляжку. Она была вся в панировке из мельчайших фрагментов различных пород камня и приобрела дополнительный запах речной ти-

ны, но она была целой и даже весила чуть больше!

Мои сопля, слюни и слёзы, смешиваясь, капали на продукт в моей пасти, а я, перепрыгивая ступеньки, спешил накормить свою единственную и неповторимую. Рая сидела на спецовке и думала обо мне. Нет, ну а о ком ещё? Не о Тайсоне же?

– Ой, Ромочка, ты так быстро. А что это у тебя так вкусно пахнет? – спросила Раечка, резко рванув на себя куриную ногу.

Раймонда Сигуэрра Сьерра де Паско лежала на спецовке, крепко обхватив своими коротенькими лапками куриную лодыжку. Её ослепительно белые маленькие зубки рвали на части и тщательно пережёвывали куриную плоть. Хруст перемалываемых костей и речного песка с ракушками звонким эхом уносился по подъезду до девятого этажа «моего» домовладения. Спрашивать её – «вкусно ли ей, угодил ли я своей любимой?» – смысла абсолютно не было.

Я сидел под столом, на всякий случай, на безопасном расстоянии. Сидел и не понимал. Не понимал, как в эту длинную коротконогую су... сударыню могла поместиться, по сути, нога небольшого австралийского страуса эму?

Даже костей, на которые я всё же рассчитывал после ужина Раечки, не осталось. Последнее, что я от неё услышал, было шёпотом сказанное:

– Ромочка, почеси меня за ушком, я так лучше засыпаю. И выключи свет, пожалуйста.

Полночи я сидел рядом с раздувшейся Раечкой и почёсывал её за ушком. Она иногда подрыгивала лапками, икала чесноком и улыбалась во сне. Наверное, видела во сне меня. Вот только, как выключить луну и звёзды, я понятия не имел.

На утро у меня тоже был план. Пока Раечка не попросила меня «подать завтрак», нужно было «делать ноги» со стройки и вернуть аристократку домой. То есть в её привычную среду обитания. Я долго уговаривал невесту пораньше выйти на прогулку. Пробежаться по утренней росе, погонять ещё заспанных голубей, отобрать что-нибудь у горластых ворон. Но Раечка то спрашивала, где её лоток для туалета, то просила фильтрованной водички, пока по ступеням подъезда не зашаркали ботинками, поднимаясь на этажи, строительные рабочие. Но не успели мы выбежать из подъезда и подняться на кучу щебня, как от вагончика сторожа послышался срывающийся крик сторожа нашей стройки Кузьмича:

– Дык вон она! Собачонка чёрная! С Ромкой нашим! Её вчера по телику показывали. Пропала она! Деньгу дают большую, кто найдёт! Лови её, братва! Мои десять процентов, ежели чё!

Моментально оживилась стройка. Как будто «чёрную» премию в конвертах привезли. Растопырили руки одни, вытянули шеи другие, начали рыться в целлофановых кульках, в поисках вкусенького для заманухи, трети. Но я ж говорю, у меня на утро план был. Уходили тайными тропами.

Через полчаса мы прибежали к Раечкиному дому. Мой

план был разработан ровно до границы резиденции. Огромные кованые ворота и четырёхметровый каменный забор не могли скрыть изысканную архитектуру трёхэтажного особняка. Эксклюзив. Вы уж мне поверьте. Я давно в строительном бизнесе.

– Не волнуйтесь, Роман. Нас в камеры наружного наблюдения непременно увидят, – успокоила меня Раечка, поглядывая вверх на какую-то трубку со стеклянным окошком и красным огоньком.

И правда! Очень скоро мы услышали стук каблучков по мощёной дорожке двора. Дверь открылась, и на пороге появилась симпатичная молодая женщина в строгом синем платье и белом кружевном переднике.

– Ой! Раюшка нашлась! Сама пришла! А Иннеса Вильгельмовна в полицию поехала. Сказала, что всем им сейчас устроит лёгкую жизнь и план «Перехват» они на всю жизнь запомнят! Ещё кого-то уволить обещала. Иди ко мне, моя девочка, – замурыкала то, что должна была мурлыкать, женщина в белом переднике.

Раечка лизнула меня в нос, и я почувствовал всё, что она ко мне питала. А именно – лёгкий коктейль из запахов: чеснока, чёрного молотого перца, пережаренной куриной шкурки и речной тины. Ну хоть так!

– Думай обо мне, мой герой! – прошептала такса мне в правое ухо.

Щёлкнули замки, и дверь мягко захлопнулась. Я хотел бы-

ло уже уходить, но тут дверь снова отворилась и в небольшую щель кто-то сказал:

– Не уходи, красавчик. Я сейчас.

Кто здесь был красавчиком, объяснять не надо было. Через десять минут послышался приближающийся знакомый стук каблучков и на пороге снова появилась широко улыбающаяся симпатичная женщина в кружевном переднике.

– Держи, мужчина. Заслужил! – сказала она, почесав своё левое ухо, и сунула под нос ещё тёплую жареную куриную ножку.

Я очень аккуратно принял из её рук подарок, а мой организм, вспомнив, что голоден со вчерашнего дня, начал выделять слюни, сопли и слёзы одновременно. Женщина, рассмеявшись, ушла, а я съел ножку ещё до того момента, как она успела войти в дом. Конечно, размер был не тот, конечно, была явная проблема с недовложением чеснока и перца, но как же было приятно...

Как же было приятно жрать курицу без песка, ракушек и запаха речной тины!

И заметьте! За всё утро ни слова о Тайсоне!

Вот где собака зарыта

Вот и день прошёл. Длинный был и суматошный. Как вчера, короче. Ну да! И вчера был суматошный, а позавчера длинный. Дни похожи, а ночи не помню. Сплю потому что. Завтра в парк побегу, а потом на стройку... Как сегодня. Однообразно как-то. Вроде и не скучаю, но... жизнь идёт, а заметных событий не случается. На канале «Дискавери» точно не покажут. Я-то видел! Меня, когда хозяйка моей подружки – таксы Раечки уезжает, горничная пускает к ним за забор. В отдельную трёхэтажную будку. Горничная Оля включает нам с Раюшкой на самом большом телевизоре канал «Дискавери», наливает по миске молочка, и мы столько интересного и нового узнаём, что я забываю, что любовное свидание – это что-то совсем другое.

О! Звёздочка упала, а загадать не успел. Моргнул. Вот ещё одна... летит. Не моргаю, не моргаю... Спутник! Интересно, наш или Илон Маск всё тренируется? А вот был бы я собакой-космонавтом! А что? Очень даже подхожу: маленький, компактный, физически и интеллектуально развитый. И морально опять же... В одиночку могу и в составе экипажа интернационального полетаю, если надо. Да и в космос открытый – запросто. Это ж как плавать. А плавать я умею. Меня Мишаня, мой друг со стройки, в бочку с водой опускал. Прикольно так! Лапами дрыгаешь, брызги в разные стороны...

И покомандовать там, если что... Меня-то тут все слушают-ся. Зубы во какие! И позывной у меня будет космический – «Восток», например.

– «Восток», «Восток», я «Земля»! – это меня из ЦУПа, с космодрома значит, вызывают.

– «Земля», «Земля», «Восток» на связи! – отвечаю дисциплинированно, по-военному.

– «Восток», а проверьте-ка во-о-он ту планетку неизвестную. А если будет что интересное – хвостиком пару раз вильните в нашу сторону.

Вот так бы и летал от планеты к планете и хвостиком в сторону Земли вилял. Лишь бы еды хватило. Я ж понимаю – невесомость. То да сё! Всё в тюбиках. Так, стоп! Лужу воды в невесомости я ещё вылакаю, а вот как вы косточки по тюбикам рассуёте? Но это ладно... А вот ежели приспичит меня? Куда и как мне ногу задирать? Товарищи учёные, вы уж продумайте этот вопрос. Пару кустиков можно посадить, а можно песочницу... А можно кустик прямо в песочницу! Короче, вопросы накопились, их решать надо по мере поступления. На то вы тут и поставлены, товарищи учёные!

Даже не представляю, что ждёт меня по возвращении... Сам президент страны лично встречает, лапу жмёт, за ухом чешет и говорит государственным голосом в микрофон без бумажки:

– Благодарю вас, товарищ «Восток», за выполнение особо важного государственного задания!

А я такой:

– А я ещё на Марс могу и на Венеру, если надо! Только вы со мной эту су..., в смысле таксу чёрненькую отправьте. Раечкой её зовут. Её хозяйка вас только и послушает. Для экспериментов. Ну и для заселения необитаемых планет домашними животными, если надо, конечно.

Само собой, в звании повысят и орден, какой побольше, мне на шею. Будку новую с евроремонтом в престижном районе возле «Пельменной» поставят и в маршрутках разрешат ездить на переднем сиденье бесплатно. И по телику на центральных каналах непременно покажут. По каналу «Дискавери» покажут и «В мире животных» к дедушке Коле Дроздову обязательно пригласят. В газетах опять же... А вдоль дорог – плакаты, портреты! С автографами, правда, проблема... Писать-то я не очень. По улицам пройти просто так невозможно будет. Все узнают – тут интервью, там селфи. Тискают меня все подряд, глядят по очереди. А как иначе? Морда-то официальная! Беспокойная жизнь начнётся!

Может, что-то попроще придумать? Ну я не знаю... Пограничной собакой, к примеру. А что? Запросто! И звали бы меня по-военному – Рекс! Строгий и ответственный – жуть! А ещё мужественный такой, храбрый... и подозрительный. Что ты! Ну пограничник же. Хожу такой, на всех косо поглядываю и докладываю, куда следует, своевременно.

И вот пошли мы в наряд с мужиками-пограничниками государственную границу охранять. Помню, зима. Снега по

уши. Холод жуткий, метель, мороз... зуб на зуб... Еле по сугробам...

Да ну нафиг! Куда это меня понесло? Зима не пойдёт! Сначала давайте!

Помню, осень. Уже не жарко, но ещё не холодно. Ночь. Звёзды. Сверчки. Сидим мы в засаде. На тёплых жёлтых листьях лежать мягко так, уютно. Мужиков-пограничников после макарон по-флотски разморило, а я начеку. Сижу, зубами клацаю – блох ловлю, тренируюсь. Служба! Чу! Шорох. Смотрю в прибор ночного видения... Ах ты ж! Нарушитель. Крадётся так, на цыпочках. Зараза! Весь из себя вооружённый такой! Ну я, для того чтобы вражину испугать и погранцов своих разбудить, как заору:

– Стой! Руки вверх, супостат зарубежный!

Нет, ну получилось, конечно: гав! гав! гав!

Но цели своей достиг. Нарушитель обделался моментально. Честно! У меня ж нюх... А мужики проснулись, хоть и не сразу, и давай шпиона задерживать. Потом, конечно, перестрелка, погоня! Я такой бегу по свежему следу, от пуль уворачиваюсь, собой всех прикрываю. А тут граната летит. Да, настоящая! Я как прыгнул, как поймал её... Ну и раскусил, как сахарную косточку. А что? Челюсти стальные, натренированные. Наши упали, взрыва ждут, а я осколки повыплёвывал и за нарушителем рванул по пересечённой местности.

Поймал, конечно. От нашего брата-пограничника не уйдёшь! Нашему брату-пограничнику только дай... Держу его

за штанину мёртвой хваткой, наших жду. Чувствую – слабею чё-то. Штук пять-шесть пуль в меня всё же попали. Все на вылет, как ни странно! Пограницы вовремя успели. Зубы мне разжали и скрутили лазутчика. Так его в одной штанине и увели. Я потом, что было, плохо помню. Помню носилки. Ноги, чьи-то руки... Вертушка прилетела. Госпиталь. Молоденькую сестричку помню приятной наружности. Жо... вернее, глазастенькая такая. Хвост мне перевязывает и говорит участливо:

– Держись. Собака ты такая!

Ампутация... Или нет? Контузило же меня! Память отшибло и ещё что-то. Шины, слышал, какие-то накладывали, переливали чего-то в меня или из меня. Помню, ухо зашивали... и жо... вернее, глазастенькую сестричку помню. Всё макароны мне носила. От макарон по-флотски!

На погранзаставе встречали, конечно, торжественно. С оркестром. Седой полковник честь отдал. Ну что ты!

Похлопал так по холке и говорит, застёгивая на моей шее новый ошейник:

– Молодец, сынок! Назначаю тебя помощником главного повара в столовую части до конца службы! Ответственным за отходы, вернее за то, чтобы их не было.

Правда, я так и не понял, до конца моей службы или повара? А потом, конечно, гимн! Стоим по стойке смирно. Все поют. Я тоже было начал, но полковник пасть мне закрыл и говорит так по-отечески:

– А вот выть не надо, сынок!

Ну и строим все мимо нас с полковником. А из громкоговорителей Агутин душевно так про пограничные войска... Помните? «...Паровоз умчится прямо на границу...» И сле-за так скупно по щетине полковничьей и мне на ухо. Кап! А потом в столовую новый ошейник обмывать. Ну как же... Традиция!

По «Дискавери», конечно, ничего не покажут. Оно и понятно. Часть-то секретная! Только по НТВ и то вскользь в программе «ЧП». Глаза мне на экране чёрной полоской заклеят, чтоб не узнал никто. Эх, служба государева! Вот так служишь, служишь, а народ о своём герое так и не узнает. Только Раечке шепну и то по большому секрету. Пусть гордится!

На канал «Дискавери» можно с гарантией попасть, если по собачьим выставкам ездить. А что? Я уже думал об этом. Главное, призовое место занять. Мне три раза относительно моей неотразимости комплименты отвешивали. И не кто-нибудь там! Один раз Валюха-малярша со стройки так и сказала:

– Эй, красавчик, отойди, а то краской заляпаю!

Второй раз тётка в мясном ряду на рынке нежно так ко мне обратилась по существу вопроса:

– Слышь, красота неписаная, шёл бы ты отсель. Слюной весь пол у витрины уделал. Не ровен час, покупатель посклизнётся. Иди, касатик, иди от греха.

А в третий раз моя любимая чёрненькая такса Раечка так долго нюхала мои художества на колесе «Мерседеса» её хозяйки, что только тупой не увидит в этом знак глубокой симпатии и восхищения. А я не тупой!

Мне мой друг-питбуль Тайсон про эти выставки рассказывал. А друг врать не будет. Его туда сто раз водили. А дома у него сто кубков и медалей. Представляете? Ну что вы... Тайсон – чемпион породы! Собак на выставке больше, чем людей. Просто бал собачий! Собаки там главные. Ходишь такой важный по кругу, а специалисты по нам, по породистым собакам, вокруг тебя так и суеются, так и судят за что-то. Придирчиво так у тебя всё меряют, щупают, глаза закатывают от удовольствия. Пара моментов из рассказа Тайсона мне всё же не понравилась. Это когда за яйца щупают и в зубы лезут. У вас что, своих нет? Вот у себя и пощупайте, если это такое вам удовольствие доставляет. А в остальном, конечно, красота! Прожекторы, корреспонденты с камерами и микрофонами. Призовые мешки с кормами благоухают. Хозяева собачьи истерят, руки заламывают, сами на передний план лезут, собачек под объективы подтаскивают. Призы, медали, кубки. Ценные и не очень подарки...

Вот она, СЛАВА для собак и СЧАСТЬЕ для их хозяев. А как бы я замечательно смотрелся на пьедестале! Поджарый, лохматенький такой, разноцветный. А прикус! Да в жизни вы не видели такого идеального прикуса. Скажу по секрету: это всё из-за колбаски «Краковской»! И звать меня будут не

Ромкой, а Рамуальдом Петручио Прорабио Дворовским! Всё замечательно, кроме одного... Хозяина у меня нет. И не было. Ничей я. Некому меня на выставку вести, медали получать и призы в сторонку складывать. Проехали, значит! Прощайте, сто медалей и «Дискавери» в придачу!

А вот самая заветная мечта у каждой собаки – это полицейская работа. Вот где развернуться и показать себя можно! Я полицейская собака! И зовут меня, конечно, Мухтар! А так на табличке моего служебного кабинета и написано: «Старшая по розыску полицейская собака Мухтар». И попасть ко мне на приём можно, только записавшись у моего референта-таксы Раечки. Предупреждаю сразу – таксы конфеты не едят.

Сижу я такой в кабинете... погоны, портупея, кобура. Овчарка немецкая, конечно. Только компактная такая и трёхцветная. Сижу, патроны хвостом протираю, а тут стук в дверь. Раечка кого-то пропускает, значит. Она у меня вроде как помощница боевая.

– Проходим, присаживаемся. Какие проблемы, гражданин потерпевший? – спрашиваю строго так, поправляя кобуру для порядка.

Заходит мужичок такой, со свёртком газетным, глазки прячет и говорит:

– Здравствуйте. Я директор колбасно-сосисочного завода. ЧП у нас. Помогите, товарищ собака полицейская!

– Излагайте суть, сторона невинно потерпевшая. Ваши по-

дозрения, мотивы опять же? А что у вас в свёртке пахнет? – с внезапно повлажневшим носом спрашиваю я, ослабевая ошейник на одну дырочку.

– Колбасные обрезки от колбаски «Краковской». Обрезки с верёвочками остались, а колбаску украли, – печально так отвечает директор колбасного завода, вытирая жирные руки о газету и брюки костюмные.

– Ну, в чём, в чём, а в колбасных обрезках мы хорошо разбираемся, – заверил я, потирая лапы и подбирая слюни.

– Что делать с этим? – спросил директор колбасного завода, выкладывая свёрток с колбасными обрезками на мой рабочий стол.

– Улики преступления останутся у нас, – сказал я, категорически настаивая. – Не беспокойтесь, испортиться не успеют.

Потом подумал и положил свёрток в сейф, закрыв его на три оборота. Подумал ещё раз (это уже второй за сегодняшний день) и опечатал сейф пластилиновой печатью.

– Пройдёте в «бобик», – строго сказал я, указав лапой на дверь.

– А можно я за вами поеду на своём «Лексусе»? – робко спросил директор колбасно-сосисочного завода, тыкая широкопчёрным пальцем в чёрный здоровенный джип, стоящий возле нашего серенького «бобика» с синей полосой.

– Пока можно, только, чур, не обгонять. Едемте на склад готовой продукции, – удивил я своей осведомлённостью кол-

басного директора.

Естественно, как старший, я занял место возле водителя – сержанта Бори. Боря был добрым ментом и иногда подкармливал меня хлебом из-под бутербродов.

Через десять минут мы были на складе. Собрали всех работников склада готовой продукции: завскладом Зюзельмана (от него пахло сервелатом), грузчика Вовку (он из скромности закусывал «Докторской») и электрокарщика дядю Жору, у которого на электрокаре не закрывался аккумуляторный отсек из-за торчащего из него батона «Любительской». Я их всех досконально обнюхал. Ни от кого из складских работников «Краковской» не пахло. На три версии стало меньше.

Прошло два дня. Следствие закончилось. Директор колбасного завода ехал в отделение полиции на нашем «бобике» уже в наручниках. Экспертиза показала, что только от него пахло «Краковской». На это показывали и лабораторные исследования потожировых, взятых из багажника «Лексуса» и выходного костюма воришки.

Все получили по заслугам. А джип «Лексус» отдали в дом престарелых. И каждую субботу дедушки возили бабушек в клуб на танцы «Для тех, кому за семьдесят». А по понедельникам на нём забирали бельё из прачечной и завозили картошку и свиные туши в местную столовую.

А я, за образцово проведённую операцию, был премирован колбасными обрезками от «Краковской» из сейфа. Ну не

выбрасывать же! Моей Раечке тоже кое-что перепало. Почему так скромненько? А помните, как в песне: «Наша служба и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна...».

И тут мою маленькую собачью голову посетила мысль, вполне человеческая: «Ребята! Нужно, чтобы дело, которым вы занимаетесь, было в кайф! Будь ты ментом или космонавтом, пограничником или даже вожаком собачьей упряжки – ты должен кайфовать от того, чем ты занимаешься. Иначе зачем...?»

Как собаке пятая нога

Студенты – люди особые. Об этом вам каждая бродячая собака скажет. Начнём с того, что у студентов и у бродячих собак много общего. Причём заметьте, я не хочу обидеть ни студентов, ни бродячих собачек. Ну скажите, где вы видели толстую бродячую собаку (беременная не в счёт)? А студента (повторюсь, не в декрете)? И студенты, и бродячие собаки едят всё, что дадут, и всё, что найдут. А также впрок. И живут и те, и другие не там, где хотели бы. Я имею в виду настоящих студентов, общежитских. Вот о них, сердешных, и пойдёт речь.

Искать что-нибудь из пропитания возле студенческой общаги театрального института и в голову не приходило. Там и кошке ничего бы не перепало. Я даже голубей с воробьями не видел в радиусе километра возле студенческой обители. Бывало, залетит какой-никакой нездешний посланник мира с благими намерениями, а через минуту уже супчик вермишелевый варится на студенческой кухне. Трое будущих сценаристов по очереди эту жижу помешивают одной ложкой, а четвёртый дверь держит от рвущихся на запах бульона будущих режиссеров. И только ветер зловеще сизые перья по мусорке носит.

Просто сегодня жара! В собачью голову ничего путного не идёт. А под скамейкой тенёк какой-никакой. Вот я и завалил-

ся под неё на часок между двумя пустыми банками из-под пива. Слабый сквознячок нехотя шевелит банки, посвистывая в дырочках, те мягко шуршат, перекатываясь, как волны утреннего прибоя, смешивая сны с реальностью. Глаза закрываются, но мозг готов без промедления объявить обеденный перерыв. Хотя бы теоретически. Но не тут-то было. Скамейка скрипнула, и две тощие студенческие задницы стукнулись берцовыми костями о дерево сидушки, осыпав меня голубыми чешуйками старой краски.

– Слышь, Славян, если мы до конца недели курсовую не сдадим, народ нас не поймёт, – сказал первый студент.

Профессорско-преподавательский состав театрального института и был тем «народом». А «народ», сплошь состоящий из «заслуженных» и «народных», искренне не понимал, за что этим двум непонятым дарованиям платить пусть мизерную, но стипендию.

– А номер для курсовика, Вован, нужен бомбовый, – замотало головой второе творческое дарование, понимая, что без «стипухи» больше не протянуть.

В щели скамейки мне было видно этих двоих «драматургов». Первый был рыжий-прерыжий. Под его длинным носом квадратно-гнездовым способом росли типа... усы. Он их нервно пощипывал и постоянно поправлял на шее несуразно большую бабочку, в большую чёрно-белую клетку. Второй был совершенно неопределённой масти. От уха до уха абсолютно не за что было уцепиться. Стриженный под «0»

был студент. Лысину покрывал тёмно-синий берет с длинным хвостиком. В общем, студентов театрального института со студентами железнодорожного, строительного или, скажем, педагогического институтов спутать было категорически невозможно.

– А может, остановимся на идее «Простоквашино»? – спросил Вован, студент-троечник режиссёрского факультета.

– «Простоквашино» – идея неплохая, тем более, что Валуха псину свою обещала подогнать на роль Шарика. Дрессированную. А кот? Кто Матроскина сыграет? – засомневался Славян, будущий драматург, студент с двумя задолженностями за прошлую сессию.

– Где его взять, кот этого? Да и тупые они, говорят, дрессуре вообще не поддаются, – ответил Вован, вспомнив домашние эксперименты над бабкиным котом Барсиком.

– Ты прав, парень! С ними лучше не связываться. И тупые, и вонючки «помоешные», – захотел вступить я в актуальную дискуссию и нервно почесал за ухом. Тут-то «драматурги» меня и заприметили.

– Вован, смотри, какой собачонок! И ростом, похоже, чуть больше кошки, – оживился Славян, посмотрев на меня через рамочку, составленную из больших и указательных пальцев, – а на сцене и в кадре в идеале смотреться будет.

– Я тебя понял, коллега... А ну-ка, иди сюда, красавчик! Иди-ка сюда, будем из тебя артиста делать, – зачмокал губа-

ми Вован.

Последние слова мне понравились, конечно, но идти за просто так я не собирался. Меня чмоками не возмёмшь и не заманишь. Давайте контракт подпишем, райдер обсудим. Или что там у вас? Я на всякий случай приподнял голову, сдвинул брови и чуть приподнял правую губу, обнажив белоснежного цвета клыки, идеального прикуса. Не люблю, знаете ли, компанейщины.

– Надо ему дать что-нибудь. Для контакта. Видишь, не в духе чувачок. Славян, сгоняй в магазин, купи колбаски, – оживился Вован, нервно поджав ноги и сунув обе руки в карманы.

Славян подскочил со скамейки и побежал в сторону магазина, хлопая себя по карманам в поисках мелочи и придерживая на лысине соскальзывающий берет. А я лаял... лаял ему вслед, типа:

– «Краковской»! Славян, «Краковской»!

Видно, Славян меня так и не понял. Наверное, громче надо было лаять. Он вернулся минут через десять, весело размахивая пакетом, в котором угадывалась гирлянда сосисок.

– «Детских» взял, – отчитался Славян, – на 143 рубля. На все!

Вован оторвал одну сосиску в целлофане и робко сунул её под скамейку.

– Ага! Щаз! Чисть давай! – сказал я про себя, нервно сглотнув слюну.

– Чё-то не жрёт! – удивился Вован, разглядывая продукт на свет. – Срок годности смотрел? Они, говорят, разбираются...

– Да, ладно, – расстроился Славян, подозрительно нюхая съедобное, – может, почистить надо?

Вован надкусил сосиску и снял целлофан. Вторая попытка оказалась триумфальной. Пальцы из-под скамейки вернулись целыми и без сосиски. Контакт налаживался.

– А ничего пёсик, сообразительный!

– И глаза такие умные и морда интеллигентная! – обрадованно загалдели пацаны.

Последние слова окончательно разрушили преграды. И я вышел, под хруст раздавленной пивной банки.

– А хвост? – спросил Славян, засовывая в меня очередную сосиску, предательски откусив половину.

– Хвост практически кольцом. У котов таких не бывает. Грузик привяжем, – гоготнул Вован, найдя, как ему показалось, гениальный режиссёрский ход.

– А вот этого не надо, – икнул я, особо не настаивая, так как сам к этому моменту уже имел выход из создавшегося творческого тупика.

– И потом, Вован, – почему-то шепотом сказал драматург Славян, – нам бы его перекрасить надо. Или хотя бы полоски разметить от ушей до хвоста для полноты образа.

– В общагу его надо. У Валентины плакатная гуашь есть. Она стойкая и сохнет быстро, – как-то уж очень ласково ска-

зал Вован, размахивая передо мной сосиской, как гипнотическим амулетом, стараясь усыпить бдительность голодной собачки.

Судя по брошенному в мусорку пустому пакету, в руках у молодого таланта оставалась последняя сосиска, которая на подвиги уже не звала и своим видом не соблазняла. Да и как гонорар за предлагаемую роль актёру моего уровня рассматривать её было просто смешно. А авансовые вложения в меня в расчёт не шли. К тому же мой организм раздулся, тяжело дышал и пробовал найти равновесие. Теперь попить бы!

– Пацаны, а где у вас тут водопой?

– Вован, ты его поближе подмани и зафиксируй, а я его в рюкзак упакую по-быстрому, – процедил Славян, выкладывая из своего рюкзака учебники по «Истории театрального искусства» и «Технике речи», – по-любому в общагу с ним не пустят.

– Вот глупые какие! Это до сосисок у меня шанс был... в рюкзак. А теперь... А теперь я и по стойке смирно в нём стоять не смогу. Лапы, извиняюсь, не сходятся. Пошёл я, парни! Кстати, а ценник на сосисках перебит. Просрочка это. Мой нюх не обманешь! Вы уж поаккуратней.

– Стоять, собака! – взвизгнул Вован, рванув с шеи бабочку, и от возбуждения откусил последнюю сосиску вместе с целлофаном.

– Вован, его нельзя отпускать! Я в него все наши деньги вложил... – в отчаянии рванул было за мной Славян, еле

поймав соскользнувший с головы берет.

– Ручки убрал, «станиславский»... укушу ведь, – миролюбиво сказал я, интеллигентно подняв правую заднюю ногу на целлофановый пакет из-под сосисек.

Решение было принято. Стараясь сохранять равновесие, я решил уйти из искусства. Обернувшись, я увидел, как Славын, театрально заломив руки, взвыл:

– Вернись, животное! Тебя ждёт сцена и слава легендарного Мухтара!

В животе агукали, бурлили и просились на газон сосиски «Детские»... Говорил же – просрочка! Пора было искать место в тенёчке. Подальше от искусства и творческих личностей без стипендии.

Да и нужна мне ваша сцена...

Как собаке пятая нога!

Боря, на!

Нескончаемая очередь толстой сарделькой из чемоданов тянулась к стойке регистрации. Жарко, душно и всё время куда-то хочется. То попить, то пописать. Турция не отпускала. Пока проходили пограничный контроль, сделали объявление. На турецком языке. Не поняли... Нам? Не нам? Наконец, продублировали на английском, и «это в корне меняло дело». Его мы тоже не поняли. А вы слышали, как турки в аэропортах говорят по-английски? Во-во! Ну вот скажите, почему в турецком аэропорту Анталии, где русскоговорящих больше, чем турок, не делают объявления на русском языке? Я вспомнил, как в детстве занимался спортивным ориентированием, и мы просто пошли по стрелочкам, нарисованным на полу, и пришли в «Зал ожидания». Жена усадила меня на скамеечку, бросила в ноги сумку и стремительно убежала, отобрав у меня последние турецкие лиры. Куда убежала? А куда убегают жёны после таможенного и пограничного контроля из «Зала ожидания»? Ну вот...

Сидящие у окон пассажиры организованно повернули головы в сторону взлётной полосы, там, набирая скорость и преодолевая земное притяжение, уходил в небо красавчик-лайнер неизвестной компании. Красота! Я встал и подошёл к панорамному окну, прилипнув к нему лбом. Неожиданно что-то вбежало мне между ног, едва не задев то, что

задевать просто так не стоит. Это «что-то» было маленьким мальчиком, с абсолютно лысой головкой, весь в прыщах, вымазанных какой-то разноцветной болтушкой. На вид мужичку было чуть больше года. Он стоял, покачиваясь у меня между ног, крепко вцепившись маленькими пальчиками в обе мои джинсовые штанины. Хватка была по-мужски железной. А! Чуть не забыл. Он орал! Орал так, что закладывало буквально всё, громко подвывая и клокоча соплями. А снизу у него что-то журчало и булькало. Парень непрерывно заполнял памперс.

Подбежала женщина, по виду и возрасту явно не мама и вся в чёрном. «Бабушка», – догадался я. «А ей чёрный цвет к лицу с таким внучком...» – весело подумалось мне при наблюдении за происходящим. Женщина в чёрном, неожиданно для меня, встала передо мной и мальчиком на колени, протянула к нему руки и нежно позвала:

– Боря, Боря, Боренька...

Мальчик по-прежнему орал, вытирая о мои штаны сопли и слёзы. Он орал самозабвенно, с закрытыми глазами, и увидеть или услышать свою бабушку не имел никакой возможности. Его бабушка, стоя перед нами на коленях, «борькала». А я молча стоял с поднятыми вверх от неожиданности руками, как бы показывая окружающим – «я не при чём, товарищи!» Боковым зрением увидел, мягко говоря, удивлённый взгляд своей жены. А как тут не удивиться жене, матери моих детей? В профиль это выглядело так: стоит мужик

с поднятыми вверх руками, а перед ним на коленях, вся в чёрном, – монашка или вдова, которая что-то жалобно говорит, глядя в район моей ширинки. И тут совсем непонятно. То ли она молитву читает, то ли заклинания какие, а может и вообще интервью берёт.

Выручила худенькая, совершенно обессиленного вида девочка лет 17–18, видно, молодая мамаша Бори-Бореньки. Она подбежала к нам, быстро достала что-то из сумки и, протянув малышу, сказала:

– Боря, на!

Я не знаю, что это было? Код? Шифр? Пароль? Логин? Но сработало молниеносно. Пацан, напоследок чихнув мне в коленку, оторвался от штанин, заткнулся и, раскачиваясь, как юнга после шторма, рванул за сюрпризом. Девочка быстро подхватила мальчика и, сунув что-то ему в руки, скрылась за дверью женского туалета. Женщина в чёрном встала с колен, грустно посмотрела мне в глаза и пошла в сторону бара, где наливали. Моя мудрая жена, улучив момент, бросилась ко мне, взяла меня в одну руку, сумку в другую и увела в соседний зал ожидания.

Но через 2–3 минуты Боря заголосил снова. Он тоже перевёл семью в соседний зал. То ли то, что ему предложили, не оправдало мальчуковых надежд и рано закончилось, то ли чесались и зудели прыщики, которые он вёз на Родину из субтропиков, а может, просто характер у парня был ни к чёрту. От Бори доставалось всем. И не потому, что он уж

так громко орал, а потому, что он не стоял на месте. Борис ходил по залу ожидания, печально заглядывал пассажирам в глаза и, размазывая по красной прыщавой мордахе коктейль из слёзосоплей, тиранил наши уши акустической атакой. За ним, согнувшись, неотступной чёрной тенью семенила бабушка и «борькала», а следом катила коляску-раскладушку мама молодая... Сделав круг по залу, Боря приблизился к нам с женой. Замолчал вдруг, видимо, узнав мои джинсы, и потянулся к ним, как к чему-то родному, опять начав надирать голосовые связки. И тут...

– Боря, на! – чётко прозвучала команда мамочки.

Жена небожно царапнула меня маникюром:

– Посмотри на людей! – громко прошептала она.

Я чуть позже в буклете «Аэрофлота» прочитал, что наш самолёт берёт на борт 158 пассажиров. Так вот, 156 пар испуганных глаз неотрывно следили за маленьким прыщавым демоном и одновременно думали об одном и том же... – «... только не рядом с нами...».

– Лена, может, другим рейсом? – нервно засмеявшись в ладошку, спросил мужичок, вытирая холодный пот с лысины. Шутку никто не поддержал...

Неожиданно для всех пригласили на посадку. Девушка в униформе приготовилась злорадно рвать наши посадочные талоны... Типа «Погрелись тут? А в Москве заморозки обещают!» Но никто с места не двинулся, все смотрели на Бору. Бору развернули, придав правильный вектор движе-

ния, и Боря пошел с открытым беззубым ртом на работницу авиасервиса. Та зажмурилась и порвала посадочный талон на ощупь, рванув его, как чеку у гранаты...

Минуты через три, когда последнее Борино эхо заткнулось за поворотом посадочного коридора, опасливо переглядываясь и подталкивая друг друга, пассажиры потянулись на посадку. Мы шли медленно, прижимаясь плечом к плечу, шаг в шаг, дыхание в дыхание... По растерянным лицам и сбитым на затылок пилоткам встречающих стюардесс мы поняли... Борис здесь!

А дальше? А дальше было всеобщее ликование! Праздничное настроение! И желание наслаждаться полётом на лайнере славной авиакомпании «Аэрофлот»! Всё Борино семейство располагалось ровно посередине салона бизнес-класса!!! А Боря-то крутой! Ай, красава! Ровно 134 пассажира народного эконом-класса, с радостными лицами, обмениваясь любезностями и уступая друг другу места у иллюминаторов, рассаживались по своим местам согласно купленным билетам. Всем хватило полка для ручной клади, и наэлектризованные пледы током не били. И впервые никто не чувствовал себя неудачником, ни капли зависти, ни грамма неприязни к тем... за шторкой. Что? У них шампанское и бутерброды с икрой? Да на здоровье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.